

Качество опубликованных в журнале статей свидетельствует о значительных успехах, достигнутых советской лингвистикой за период, прошедший с момента разгрома советской общественностью антинаучных построений «нового учения» о языке. Со страниц журнала исчезли столь распространенные прежде, до 1950 г., поверхностные, начетнического толка работы. Подавляющее большинство публикуемых ныне статей построено на анализе конкретного материала, на языковых исследованиях. Теоретический уровень большинства работ является высоким и свидетельствует о хорошей научной подготовке и эрудированности их авторов.

Понятно, не все недостатки еще устранены. Судя по рецензируемым номерам журнала (статьи, опубликованные в течение 1955 г. и не рассматриваемые в рецензии, подтверждают это мнение), основным недостатком является то, что редколлегия в своей работе до сих пор недостаточно продуманно планирует тематику публикуемых статей, «идет на поводу» у авторов. Большинство статей по вопросам языкознания, опубликованных в журнале, написаны на основе принадлежащих их авторам кандидатских диссертаций. Это само по себе не так уж плохо, ибо таким путем широкие массы учителей как в центре, так и на периферии имеют возможность знакомиться с результатами новейших исследований по конкретным языковым проблемам и внедрять их в практику преподавания. Однако этого явно недостаточно. Редколлегия журнала следует смелее и шире использовать метод заказов, добиваться от авторов статей на актуальные и мало разработанные темы, имеющие живой интерес для преподавания иностранного языка. Если бы редакция проявляла в этом отношении должную активность, а не полагалась главным образом на стихийное поступление статей, то не было бы такого положения, при котором, как уже отмечалось выше, столь важные для практики преподавания разделы, как синтаксис, лексикография, а также фонетика, оказались «в загоне», что имеет место в настоящее время.

Вторым существенным недостатком в работе редколлегии журнала является тот факт, что публикуемые в журнале статьи по вопросам общего языкознания слабо увязаны с непосредственными практическими нуждами преподавателей языка. Так, например, научная ценность таких работ, как статья А. И. Смирницкого «Об особенностях обозначения направления движения в отдельных языках» или В. А. Звегинцева «История народа и развитие языка», не подлежит сомнению; однако нам кажется, что место этим статьям на страницах других изданий, а не в органе, рассчитанном главным образом на учительскую аудиторию. Статьи общезыковедческого характера следует печатать в журнале и впредь, но с учетом практических интересов и нужд преподавателей языка, в первую очередь в средней школе.

Журнал широко знакомит своих читателей с достижениями языкознания и методики преподавания языка в Советском Союзе. Однако, к сожалению, почти ничего не делается для того, чтобы ознакомить советских учителей с достижениями в этой области за рубежом. Несомненно, за границей — как в странах народной демократии, так и в капиталистических странах — идет большая научная работа в области языкознания и методики преподавания языков. Хотелось бы в будущем увидеть в журнале отдел «Языкознание и методика преподавания языков за границей».

Не всегда редколлегия предъявляет достаточную требовательность к качеству публикуемых в журнале работ. Ряд статей, как отмечалось уже выше, производит впечатление более слабых работ, чем остальные. В некоторых статьях, опубликованных в журнале, кое-где проявляется цитатничество, стремление по всякому, порой второстепенному, поводу сослаться на «авторитетные источники».

Можно с уверенностью полагать, что в ходе дальнейшей работы редколлегия журнала «Иностранные языки в школе» полностью изживет отмеченные недостатки, еще выше поднимет научно-теоретический уровень своего языковедческого раздела и приблизит его к запросам практики изучения языков в советской школе.

Л. С. Бархударов

ОБЛАСТНЫЕ РАБОТЫ ПО ТОПОНИМИКЕ

За последние годы в различных областных изданиях после значительного перерыва появились содержательные работы, вводящие в научный оборот обширный и ценный материал по топонимике. Подобные исследования требуют критического рассмотрения, так как в них имеются также и ошибки весьма серьезного характера, которые препятствуют успешному развитию топонимических исследований.

Предмет настоящего обзора — три интересные областные работы по топонимике: статьи А. П. Дульзона (Томск)¹, И. Д. Воронина (Саранск)² и Н. П. Милонова (Рязань)³.

*

Все три исследования рассматривают топонимику как вспомогательную историческую дисциплину. Это закономерно, но односторонне. Ее значение шире. Географические названия — своеобразный разряд слов, исторически весьма устойчивых на определенной территории, показания которых неоценимы и при решении языковедческих проблем. К сожалению, не только историков И. Д. Воронина и Н. П. Милонова, но и филолога А. П. Дульзона эта сторона не интересует: для них топонимика — лишь подспорье при общеоисторических исследованиях, причем, по мнению Н. П. Милонова, ее следует зачислить в разряд географических дисциплин: «топонимика, будучи ответвлением от географической науки, играет определенную роль в исторической науке» (стр. 5)⁴. Автор не считает с тем, что географические названия — неотъемлемая часть языка и раскрыть их происхождение и развитие их значений способна только наука о языке. Именно как факты истории языка они и становятся первоклассным историческим памятником. Своеобразие значения этой группы слов и ограниченность их территориального распространения дают топонимике право на самостоятельное место в ряду языковедческих дисциплин. Однако в роли вспомогательной исторической дисциплины топонимика полезна только при неременном условии овладения специальной методологией языкознания: как и все слова, географические названия подчиняются законам языкового развития, а игнорирование этих законов неизбежно приводит исследователей к ошибкам и неудачам, чему рассматриваемые работы (хотя и в разной степени) дают немало печальных примеров.

И. Д. Воронин и Н. П. Милонов, стремясь установить этимологию различных названий «любимой атак», подбирают сходно звучащие корни, не учитывая закономерностей фонетических, морфологических и смысловых изменений. Н. П. Милонов не задумывается, например, почему село зовется *Олегино*, а не *Олегово*, как следовало бы ожидать, раз оно происходит, по его предположению, от мужского имени *Олег*. Название деревни *Гнетово* (из рязанских писцовых книг XVI в.) автор приводит под рубрикой «Социально-экономические условия», простосердечно полагая, что в этом названии отразился феодальный гнет.

Пренебрежение к законам языка открывает простор самым произвольным, фантастическим догадкам. Название деревни *Щекурово*, по мнению Н. П. Милонова, «возможно, представляет собою пример собственного славянского имени *Щек*, получившего суффикс *-ур-* (мордовское „местность“) и окончание древнерусского родительного падежа на *-ово*»; по времени образования это название относится автором «к родовому строю» (стр. 68). В подтверждение своего предположения Н. П. Милонов не смог привести ни одного доказательства, даже сомнительного. Название рошчи *Потийж*, по мнению И. Д. Воронина, происходит от мордовского слова *потямс* «сосать» и служит для обозначения маленькой рошчи формы соска (стр. 273). Трудно допустить, что во времена, когда не знали ни топографии, ни аэрофотосъемки, источником наименования могло служить очертание в плане. Но и помимо этого предлагаемая этимология не обоснована данными языка: И. Д. Воронин не объясняет, в силу каких закономерностей из глагольной формы *потямс* должна образоваться (или хотя бы может образоваться) именная форма *потийж*. Такого вопроса для автора не существует. Единственно достаточным основанием ему представляется слуховая аналогия двух корней, а она слишком часто оказывается лишь результатом внешнего совпадения. Известно, что по случайному звуковому сходству для каждого слова, произвольно разрывая его на части и заменяя любой звук любым другим по собственному усмотрению, можно создать самые невероятные этимологии.

В топонимике об этом свидетельствуют простые примеры: река *Ведьма* не имеет ничего общего с суевериями (из *Ветьма*); название *Царское село* (до революции — летняя резиденция Романовых) происходит не от слова *царь*, а из *Сарское село* (ранее — мыза *Саари*). Поэтому убедителен только анализ, опирающийся на установленные наукой закономерности языка. Связь названия реки *Полота* и города *Полоцк* (первоначально *Полотеск*), например, доказана историками русского языка фонетически, морфологически, семантически: известны и превращение *-теск* в *-цк*, и значение суффикса *-ск-*,

¹ А. П. Дульзон, Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики, «Ученые записки [Томск. пед. ин-та], т. VI, 1950.

² И. Д. Воронин, К вопросу о мордовской топонимике, «Записки [Науч.-исслед. ин-та при Совете министров Мордовской АССР], № 13, Саранск, 1951.

³ Н. П. Милонов, Топонимика как источник для изучения истории края, в кн. «Историко-краеведческий сборник» («Ученые записки [Ряз. пед. ин-та], № 11), 1953.

⁴ Здесь и далее в тексте в скобках указываются страницы соответствующих работ.

и случаи наименования городов по рекам. В конечном счете, каждый факт языка — результат исторических условий. Но зависимость эта сложна и опосредствована внутренними законами языка. Поэтому тщетны и опасны скороспелые прямолинейные «увязки» отдельных слов с отдельными историческими явлениями без учета законов, управляющих изменениями слов.

В тех редких случаях, когда И. Д. Воронин пытается проследить звуковые переходы между исходной и современной формами названия, он прибегает к объяснениям, не отвечающим современному уровню науки о языке (ср., например, способ, каким доказывается превращение названия реки *Инсер* в *Инсар* — стр. 268). Н. П. Милонов, со своей стороны, утверждает: «*Шумошь* аналогично *Шумлеа*» (стр. 68). Почему и как? Очень просто: «Все разновидности названий с корнем *шум* означают местность шумящего леса, лесистый край» (там же). Такое утверждение никак нельзя считать доказанным, да и появление окончаний *-ошь*, *-ава* совершенно неясно. За бесспорное выдается предположение, основанное единственно на сходстве звучания одного слога. Шаткое основание! Слогов-звукоочетаний бесконечно меньше, чем географических названий, и здесь неизбежны повторения, омонимы (*Брест* на Буге и *Брест* в Бретани и т. п.).

Этимологии В. К. Тредиаковского, производившего, например, названия *скифы* от *скитаться*, а *сарматы* от *за Ра мати* (т. е. «наши матери за Волгой»; так сыны амазонок, якобы, отвечали на вопрос: «Кто вы?»), не раз воскресали в попытках насильно извлекать первоначальное значение имен из созвучных корней, игнорируя все законы языка, превращая любой звук в любой другой. Н. Я. Марр довел подобные упражнения до фантастических пределов. Особенно при этом пострадала топонимика, с трудом освобождающаяся от привитых ей пороков.

Грубые, элементарные ошибки в топонимических исследованиях напоминают нам, насколько запущена разработка даже основных положений топонимики.

Так, И. Д. Воронин объявляет невероятным, чтобы при наличии мордовских названий притоков сама река называлась не по-мордовски (стр. 269), причем тезис о невероятности, естественно, ничем не подкрепляется, кроме личной уверенности автора. Между тем известно, что названия крупных рек как раз обычно принадлежат не тому народу, который назвал малые реки того же бассейна.

Н. П. Милонов вслед за последователями «вульгарного географизма» в топонимике утверждает, что «пользуясь данными топонимики, мы можем на картах очерчивать участки и границы распространения березовых, вязовых, кленовых, липовых рощ и дубрав, характерных для этого края в XVI — XVII веках» (стр. 47), и даже предлагает строить на этой базе практические планы лесонасаждения. Автор не учитывает, что в ряду многочисленных *Берсаюк* немало и таких, чье название не связано непосредственно с наличием березы в данной местности, а произошло от фамилии владельца, либо занесено переселенцами, либо даже переосмыслено из непонятного чужезычного названия (как названия острова *Голодай* — из *Холлендей*). Общеизвестный пример — происхождение названия острова *Березань* близ устья Днепра, некогда тоже носившего это название (что отразилось в его греческом имени *Борисфен* и сохранилось в имени реки *Березина*): остров получил название по реке и если оно связано своим происхождением с березам, то лишь произраставшим на сотни километров северней. В многочисленных *Икендорфах* и *Икендорфах* усматривали следы былого распространения тиса (*Fibe*) и дуба (*Eiche*) за Эльбой, пока не разоблачили в этих предположениях наивную ошибку, установив их корни в личных именах. Напрасно также Н. П. Милонов убежден, что р. *Гусь* откуда *Гусь Хрустальный* и *Гусь Железный* названа по птице (стр. 46).

Со ссылкой на сельского учителя Н. П. Милонов сочувственно приводит легендарные толкования: «Очень интересно объяснение названия села *Шолдомеж*. Оказывается, данное село получило такое название в связи с тем, что Батый зашел до межи — границы Новгородской земли» (стр. 57). Как предание — это интересно, но как реальное объяснение названия — бесполезно; никакие натяжки не помогут представить образование собственного имени из подобной фразы. Так отсутствие научной методологической основы приводит исследователя к коллекционированию анекдотов.

Все три автора исходят в рецензируемых работах из положения о бессменности этнического состава населения на той или иной территории. Статья И. Д. Воронина, например, целиком направлена против исторических миграций. Он исключает всякую возможность домордовского происхождения названий *Сура* и *Инсар*, хотя ему не удалось убедительно опровергнуть оспариваемые взгляды. Воязн признать несомненный факт миграций — пережиток марристских запретов. К счастью, у А. П. Дульзона выпады против миграций остаются фразами, а обильный материал показывает, какие могучие волны народов катились через сибирскую лесостепь. На изучаемой Н. П. Милоновым рязанской земле только за одно тысячелетие история зарегистрировала поселения славян, мери, муромы, мордвы-эри, половцев, окских

татар. Обязанность исследователя — не закрывать глаза на всю сложность этнического прошлого, а бережно разобраться в ней, умело, добросовестно используя топонимический материал.

*

Еще около ста лет тому назад в топонимике было выдвинуто замечательное положение о том, что этимология названий не может строиться на основе изолированного рассмотрения одиночных названий; раскрыть ее можно лишь на основе сплошного чтения карты. Развитие сравнительно-исторического языкознания вооружило топонимику методами выяснения этимологий, вскрыв закономерности фонетических переходов, установив морфологические системы, натолкнув на плодотворное исследование топонимических ареалов. На рубеже XIX — XX вв. А. И. Соболевский для индоевропейских языков и В. В. Радлов — для тюркских указали на бесчисленно повторяющиеся одинаковые окончания речных названий. Огромные количества их, сосредоточенные на определенной территории, исключали случайность: если сходные корни обнаруживаются довольно редко, а разделяют их подчас тысячи километров, то одинаковые служебно-грамматические элементы встречаются сотнями в одном и том же районе, полностью исчезая за его пределами. Оставалось нанести соответствующие названия на карту и, обведя границы их распространения, получить ареал какого-то языкового единства в прошлом. Метод ареалов, основанный на множественности бесспорных фактов, прикреплённых территориально, позволяет наметить географические контуры былой языковой общности, хотя и не дает ответа на вопрос о первоначальном значении слов и их дальнейшей эволюции. Засилье марризма с его нигилистическим пренебрежением к грамматике закрыло путь дальнейшему разветвлению топонимических исследований в направлении, намеченном А. И. Соболевским и В. В. Радловым. Поэтому следует с удовлетворением отметить, что А. П. Дульзон восстанавливает в правах метод топонимических ареалов, построив именно на нем свое содержательное исследование.

На карте Южной Сибири он очертил распространение речных названий с окончаниями *-зас*, *-дат*, *-га* и др. Ему удалось выделить несколько несомненных историко-лингвистических районов. Не ограничиваясь этим, А. П. Дульзон стремится определить этническую принадлежность групп названий, чтобы определить прежние рубежи расселения племен (селькупов, кетов) и даже наметить соответствующую датировку. Однако тут он вступает на менее прочную почву, так как остается неясным, совпадали ли языковые границы с племенными и сохранились ли их ареалы в неизменных границах на протяжении веков. Данных языка недостаточно для решения этих задач; здесь необходимо тесное сотрудничество археологии, антропологии, этнографии, к которому не раз призывают авторы всех трех рецензируемых работ.

Отдельные промахи А. П. Дульзона порождены недостатками не метода, а его применения. Он сурово ограничил себя во времени и пространстве: не выходит за рамку избранного квадрата карты и не углубляется дальше средних веков. Для речных названий, нередко переживавших тысячелетия, три-четыре века — слишком «мелкая пахота». Ареал названий на *-дат* врезается на карту А. П. Дульзона острым клином с юго-востока, его центр остается где-то за кромкой карты. Где же? Автора это не занимает: там «не его участок». Такая территориальная и хронологическая замкнутость лишает нас представления об общем характере выделяемых ареалов, взятых в целом. Поэтому нельзя считать вполне убедительными выводы о названиях на *-дат*. Еще хуже обстоит дело с названиями на *-га*. Тысячи этих названий компактной массой заполняют необъятное пространство нашего Севера, а их южная граница захватывает район, исследуемый А. П. Дульзоном. Но так как он не рассматривает ареал в целом, то приходит к невероятному результату: самый огромный в мире топонимический массив он выводит из... одного диалекта селькупского языка. Понятно осторожное самоограничение тщательного исследователя, но оно губительно, если за бортом остается само содержание исследуемых явлений.

Нельзя требовать, чтобы исследователь все группы названий. И все же напрасно А. П. Дульзон полностью умолчал о столь характерных для его территории названиях на *-ла*, *-лы* (*Берла*, *Чибилла*, *Локла*, *Канлы*, *Чанлы*, *Чубулы* и мн. др.). Юг Сибири, — повидимому, восточная окраина их обширного ареала. К сожалению, никто не пытался этнически определить эти названия, датировать их, просто собрать, так что это скорее пожелание, чем упрек.

В тех случаях, когда исследователь изменяет методу, он неизбежно отступает в трясину произвольных толкований. А. П. Дульзон считает название реки *Кия* испорченным *Кису* или *Ки*, не задумываясь, как могло это произойти, и не замечая, что тут же рядом есть и *Яя*, и *Чая*, и *Лая*, и *Тея* (даже две). Не опровергнув родственности их происхождения, он своей версией лишь добавил к сотне предположительных толкований сто первое.

*

Положительное значение рецензируемых работ заключается прежде всего в широком вовлечении в научный обиход богатейшего местного материала.

Все три автора сознают, что изолированное название — не объект изучения. Как правило, они стремятся связать его со всей массой названий на данной территории (хотя характер этой связи, например у И. Д. Воронина, совсем иной, чем у А. П. Дульзона). Особенно ценен призыв Н. П. Милонова «собрать топонимический материал путем сплошного обследования местности и опроса местных жителей. Только таким путем можно собрать большое количество названий, относящихся к различным урочищам, мелким речкам, оврагам и т. д., которые не попали и, наверное, не попадут ни на одну карту, ни в списки селений» (стр. 7). В дореволюционное время не раз предпринимались подобные попытки, но для них на местах не находилось сил. Сейчас, когда каждый район располагает многочисленным отрядом интеллигенции, такое мероприятие своевременно.

Не менее важно понимание всеми авторами необходимости контакта со смежными дисциплинами. Самое же главное заключается в том, что теперь уже прочно укрепилось требование историзма по отношению к топонимическим исследованиям, хотя причины изменений порой еще ускользают от авторов, теряющихся перед сложностью и своеобразием языковых процессов.

Отметив ряд достижений, имеющих в работе А. П. Дульзона, следует сказать, что два других исследования также содержат отдельные верные наблюдения. Н. П. Милонов подробно разработал свидетельства топонимики, рисующие историю рязанской промышленности. И. Д. Воронин выявил группу названий, содержащих элемент *-пель* («половина, часть»): *Пелелей, Пелетьма, Пелелейка, Пеля* (стр. 274), расшифровав, например, *Пелелей* как «приток» (буквально: «половина реки»). Жаль, что Н. П. Милонов некоторые очень интересные вопросы рассматривает как бы между прочим. Так, дважды упомянув древнейшие русские названия *Каттогошь* и *Родогошь* (стр. 34, 49), он отделяется ничего не говорящим замечанием, что они «характерны». Сообщив, что им «восстановлена по топонимике картина классового деления Рязани в старое время» (стр. 60), он ограничивается этим заявлением, не только не поделившись своей находкой, но даже не приведя ни одного примера.

Всем трем работам совершенно чуждо равнодушие к предмету исследования. Подлинный энтузиазм, с каким авторы поднимают обширные пласты свежего материала, отстаивают свои положения, несомненно принесет драгоценные результаты, когда получит прочную опору в научно разработанной методологии.

•

Топонимикой занимаются лингвисты, историки, географы, этнографы, краеведы. Только за пятилетие (1950—1954 гг.) ее библиография пополнилась более чем сотней работ на русском языке. Своеобразное положение топонимики на стыке нескольких наук и ее «районность» приводят к крайней разобщенности: историк и географ работают над географическими названиями изолированно от лингвиста и друг от друга; наши областные издания не находят достаточного распространения и своевременного отклика.

Взаимная несогласованность даже на одном и том же участке топонимики обходится чрезмерно дорого. Издательство иностранной литературы, стремясь к упорядочению топонимической транскрипции (достаточно указать, что название *Кызыл-кум* печатается в 30 вариантах), выпустило объемистые словари географических названий целого ряда стран. Но выяснилось, что рекомендуемые написания противоречат обязательным инструкциям, принятым в картографии, т. е. не способствуют единообразию, а увеличивают разноречие. «Словари географических наименований, транскрипция которых имеет расхождения с транскрипцией тех же наименований на картах, — бесполезное, если не сказать вредное, дело...»¹ Свою долю в разногласии вносит и радио, не считаясь в произношении названий ни с литературой, ни с картографией². Решающее слово в установлении принципов транскрипции принадлежит науке о языке, однако от тех работ, которые появляются в последнее время³, до внедрения разработанной единой системы транскрипции еще очень далеко.

¹ С. А. Тюрин и И. В. Попов, О «Кратком словаре русской транскрипции географических наименований Латинской Америки», «Сборник статей по картографии», вып. 2, М., 1952, стр. 76.

² Примеры приводит С. И. Ожegov в статье «О культуре речи» («Лит. газета» 10 II 53).

³ См., например: В. И. Кузнецова, Фонетические основы передачи английских имен собственных на русском языке. Автореф. канд. дисс., Л., 1955; Л. С. Карум, О транслитерации латинскими буквами русских фамилий и географических названий, ВЯ, 1953, № 6; Г. В. Шнитке, О транслитерации собственных имен, ВЯ, 1954, № 5; А. В. Суперанская, Сводные алфавиты, ВЯ, 1955, № 5; А. В. Маракеев, Краткий очерк топонимики как географической дисциплины, «Ученые записки Казах. гос. ун-та», т. XVIII, вып. 2, 1954; Э. М. Мурзаев, Некоторые вопросы географической номенклатуры, «Известия

Необходима систематическая информация о многочисленных исследованиях, выходящих на языках народов СССР. Не стали всеобщим достоянием широко развернувшиеся за последние годы в союзных республиках работы по топонимике Я. М. Эндзелина в Латвии, К. К. Целуйко на Украине, Г. А. Капаняна в Армении, Г. А. Конкашбаева и А. Абдрахманова в Казахстане. И совсем уж отрывочна информация о зарубежных топонимических исследованиях.

Настоятельная задача — объединить эти огромные, но разрозненные усилия для создания подлинно научных основ топонимики, остающейся пока наиболее запущенной отраслью языкознания.

В. А. Никонов

Dicționarul limbii române literare contemporane. Vol. I. — [București], ed. Acad. R. P. R., 1955. XXVI, 628 стр.

Вышел в свет первый том (А — С) четырехтомного «Словаря современного румынского литературного языка». Второй том (D — L) находится в печати; третий (M — P) и четвертый (R — Z) тома находятся в стадии окончательного контроля и редактирования.

Рецензируемый словарь подводит итоги предшествующей долголетней работы по созданию академического словаря румынского литературного языка и является одним из важнейших этапов в осуществлении культурной революции в РНР.

Трудным и длительным был путь создания словаря румынского языка. Попытки составления большого румынского словаря были предприняты в первой половине XIX в., еще до образования Румынской Академии. Более 30 лет трудились над составлением румынско-латинско-венгерско-немецкого словаря основоположники так называемой «латинской школы» — С. Мику-Клайн, П. Майор, а также их последователи — В. Колоши, И. Теодорович, А. Теодори и др. Словарь, составленный по образцу полиглотов тех времен, вышел в свет в Буде в 1825 г.¹ Несмотря на то, что для этой работы был собран огромный лексический материал, словарь не нашел себе применения в жизни даже у современников, так как в основе его лежала порочная концепция «латинистов». В течение первой половины XIX в. издавалось еще несколько словарей. Однако все они представляли собой лишь подражание различным иностранным словарям.

Образованная в 60-х гг. прошлого столетия Румынская Академия должна была решить и основные вопросы румынского языкознания. В первом же параграфе Устава, принятого 1 апреля 1866 г., указывалось, что Академия обязана установить правила орфографии, разработать грамматику и составить словарь румынского языка². Следует, однако, отметить, что ни одна из этих задач не была выполнена прежней Румынской Академией. Более 60 лет на румынской орфографии сказывалось вредное влияние этимологизирующих концепций румынских академиков. Только в наши дни, после установления в Румынии строя народной демократии, осуществлена реформа орфографических правил, основанных на фонетическом принципе. Новая орфография вступила в силу с 1 апреля 1954 г. С целью быстрее и лучшего внедрения орфографии был составлен орфографический (и отчасти орфоэпический) словарь на 9 тыс. слов³.

Грамматика Т. Ципариу, опубликованная прежней Академией в 1869 и 1877 гг.⁴, ознаменовала собой провал второй стоявшей перед Академией задачи, после чего последняя по существу отказалась от выполнения этой работы. Только в 1954 г. Академия РНР осуществила выпуск академической «Грамматики румынского языка»⁵.

Что касается составления словаря, то эта работа в прошлом была поручена Академией двум «латинистам» — А. Т. Лауриану и И. К. Массиму, которые и опубликова-

АН СССР, Серия географическая, 1953, № 4; С. А. Тюрин, Некоторые принципы передачи географических названий на картах, там же, № 5; Д. Х. Карамышева, О недостатках в транскрипции географических наименований Средней Азии и Казахстана, «Вестник АН Казах. ССР», 1952, № 12; Г. М. Мамеев, О правильной транскрипции названий географических объектов Азербайджанской ССР, Баку, 1950.

¹ «Lesicon romanescu-latinescu-ungurescu-nemțescu quare de mai mulți autori în cursul a trideci și mai multor ani s'au lucratu», Buda, 1825.

² «Analile Societatei Academice Romane», t. I, București, 1869, стр. 3.

³ «Mic dicționar ortografic», [București], ed. Acad. R.P.R., 1953.

⁴ Т. Ципариу, Gramatica limbii române, București: partea I — 1869; partea II — 1877.

⁵ «Gramatica limbii române», ed. Acad. R.P.R., 1954: vol. I — Vocabularul, fonetica și morfologia; vol. II — Sintaxa.